

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-619-632

EDN: BCWYFL

К вопросу о динамике восприятия пожилого возраста: факторы позитивных изменений в условиях демографического старения*

Т.В. Барановская

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

(e-mail: btv20100404@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики восприятия пожилого возраста в России в контексте продолжающегося демографического старения и усиливающегося кадрового дефицита. Традиционно межпоколенческие отношения и положение старшего поколения связаны с негативными стереотипами, которые долгое время препятствовали полноценной интеграции пожилых людей и реализации их социально-трудового потенциала. В последнее время складывается ситуация, характеризующаяся интересом со стороны государства и рынка труда к активному участию пожилых людей. Цель исследования — выявление изменений в общественном восприятии старости и старения, определение факторов, лежащих в основе этих изменений. Была применена количественная методология вторичного анализа: сопоставляются результаты нескольких крупных всероссийских социологических опросов (2005, 2022, 2023, 2024). Полученные данные свидетельствуют о позитивном сдвиге в общественном отношении к старости и пожилым людям, несмотря на сохраняющуюся амбивалентность. Старость начинает ассоциироваться преимущественно с положительными качествами, такими как мудрость и богатый опыт. Одновременно зафиксировано заметное снижение межпоколенческих противоречий и неприязни вследствие комплексного взаимодействия нескольких факторов: с одной стороны, наблюдается повышение образовательного уровня и общей активности старшего поколения, его готовность к новым формам участия в жизни общества; с другой стороны, значимую роль сыграли изменения в мировоззрении молодого поколения, для которого «время для себя» и реализация личных увлечений стали приоритетом, и молодые люди (особенно группа 18–24 лет) демонстрируют наибольшее сходство взглядов с поколением 60+, что способствует формированию взаимных симпатий и сокращению межпоколенческого разрыва. Обнаруженные тенденции обозначают новые возможности для построения эффективного межпоколенческого взаимодействия, в частности для развития наставничества в профессионально-деловой сфере.

Ключевые слова: пожилые люди; социальные стереотипы; старение населения; наставничество; ценности; рынок труда

*© Барановская Т.В., 2025

Статья поступила в редакцию 06.04.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Для цитирования: Барановская Т.В. К вопросу о динамике восприятия пожилого возраста: факторы позитивных изменений в условиях демографического старения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 619–632. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-619-632>

Межпоколенческие отношения традиционно вызывают большой интерес исследователей: если они позитивны, то обеспечивают не только успешную передачу традиций и культурного капитала молодежи, но высокое качество жизни старшего поколения, а также решение многих проблем стареющего общества.

Доля лиц старше трудоспособного возраста в структуре населения России неуклонно растет, составляя в настоящее время более 24 % при сохранении тенденции роста (1). Достижения современной медицины, улучшение условий проживания, рост числа пожилых людей с высшим образованием сделали возможным пролонгирование активного периода старости. Повышается заинтересованность представителей третьего возраста в реализации социально-трудового потенциала [21]. Меняется понимание возраста старости — границы социальной старости отодвигаются как формально (повышение пенсионного возраста), так и в восприятии граждан [1; 3]. В то же время сегодня фиксируется новая тенденция на рынке труда — кадровый дефицит: уровень безработицы составляет менее 2,4 %, демонстрируя рекордно низкое значение (2), а в органах службы занятости на 100 вакансий приходится 24,8 зарегистрированных безработных.

Таким образом, мы имеем новую, довольно благоприятную картину взаимного интереса государства и рынка труда, с одной стороны, и пожилых людей, сохранивших социально-трудовой потенциал и активную жизненную позицию — с другой. Однако, много лет занимаясь социальной геронтологией, мне приходилось видеть, как самые эффективные стратегии, благоприятные ситуации и лучшие начинания в русле интеграции и реинтеграции представителей старшего поколения на рынке труда, их карьерной мобильности разбивались о негативные стереотипы о старости и старении, о неготовность общества к равноценному взаимодействию с пожилыми людьми. Эти явления сохранялись на протяжении четверти века с небольшими флуктуациями и тенденциями к ухудшению.

Отношение к старости и пожилым людям в обществе всегда было неоднозначным: кардинально менялось в разные исторические периоды, находило отражение в народном творчестве в виде полярных типажей — от образа мудреца или доброй бабушки до самых пугающих персонажей. В XX веке социальное положение старшего поколения стало объектом пристального внимания ученых, и целый ряд социogerонтологических теорий

нередко обосновывает противоположные выводы. Так, согласно теории разъединения, человек с наступлением пожилого возраста освобождается от социальных обязанностей [26], причем не только общество отдаляется от стареющего человека, но и он сам позитивно воспринимает собственное отстранение-освобождение. К иным выводам пришли авторы теории активности, согласно которой общество в одностороннем порядке отказывается использовать для развития потенциал старшего поколения, тогда как пожилые люди не только не приемлют подобной модели жизни в позднем возрасте, но и активно, насколько возможно, сопротивляются ей [31]. Авторы этой теории полагали, что сохранение активной жизненной позиции и всесторонняя реализация имеющихся ресурсов — необходимый признак наступления благополучной старости.

В настоящее время ученые, как бы примиряя предшественников, делают акцент на гетерогенности старения — выбирает ли пожилой человек активность, зависит, прежде всего, от образования, образа жизни, привычек, характерных для индивида в среднем возрасте [13; 15; 29]. Вместе с тем многочисленные исследования подтверждают положительное влияние активного образа жизни на физическое и психологическое состояние пожилых людей [4; 7; 10; 19; 25]. Кроме того, представители этого поколения чаще других воспринимают роль трудовой деятельности как ведущую в иерархии жизненных ценностей и потребностей [2; 24]. Исследователи фиксируют и усиление с возрастом желания делиться опытом и знаниями с молодыми людьми [35].

Однако на реализацию позитивных стратегий, связанных с интеграцией и сохранением активности, оказывает влияние отношение к пожилым людям в обществе, которое, в свою очередь, связано со многими факторами, в том числе с извечной проблемой конфликта поколений. Согласно Л. Фойеру, конфликт между поколениями представляет собой непрерывную борьбу, в основе которой лежит «эдипов комплекс» — соперничество между отцом и сыном [27]. К. Лоренц отмечает у молодежи тенденцию обвинения старшего поколения в своих неудачах, что неминуемо приводит к «эскалации вражды» [30]. Проблема «отцов и детей» подчеркивается вниманием к ней социологов, психологов, психоаналитиков и деятелей искусства, и даже при самых благоприятных факторах этот аспект в той или иной степени будет оказывать влияние на отношения между старшими и младшими поколениями.

Наиболее заметное влияние на отношение к пожилым людям оказывают социальные стереотипы о старости и старении, способствующие формированию «ярлыков» для пожилых людей и качества жизни в позднем возрасте [11]. Социальные стереотипы характеризуются высокой устойчивостью: обычно они фиксируют положение дел в прошлом, выступая тормозом для позитивного развития отношений и препятствуя восприятию

индивидуальности. Их опасность заключается и в том, что негативные социальные стереотипы воздействуют на объект стереотипизации, подталкивая его к следованию социальным ожиданиям, что, в свою очередь, подтверждает негативный стереотип, образуя «петлю обратной связи» [33]. Негативные стереотипы о пожилом возрасте создают почву для возрастной дискриминации — эйджизма, который увеличивает социальную дистанцию между пожилыми и представителями других возрастных групп [11; 20; 21; 34]. Причем чем моложе социально-демографическая группа, тем сильнее среди ее представителей выражена тенденция к дистанцированию от пожилых [21; 28].

Важным представляется и утверждение К. Маннгейма о влиянии на отношение к представителям старшего поколения статичности общества: чем она выше, тем сильнее выражена установка почтительности к пожилым [32]. Это утверждение перекликается с идеей Х. Ортеги-и-Гассета о «новом» как катализаторе старения «предшествующего» [16], т.е. социально-политические факторы также вносят коррективы в формирование и закрепление образа старшего поколения, влияя на отношение общества к пожилым.

В рамках анализа динамики восприятия пожилого возраста и трендов стереотипизации старости наиболее эффективной представляется количественная методология вторичного анализа. Были сопоставлены результаты следующих опросов: Всероссийский социологический мониторинг Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живешь, Россия?» (2024; N на разных этапах = 1312–1866) (3) [12]; опрос «Пожилые люди в сегодняшней российской семье» Фонда «Общественное мнение» (2005; 100 населенных пунктов 44 областей, краев и республик; интервью по месту жительства; N=1500 + в Москве 600 респондентов) (4); инициативное исследование «Когда начинается старость?», проведенное в 2022 году коллективом сотрудников МГУ им. М.В. Ломоносова и ИСЭПН ФНИСЦ РАН (N=1198, 65 регионов) [14]; инициативный проект ЯрГУ «Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии представителей разных возрастных групп в условиях реформирования пенсионной системы в России» (2023; N=652) [9]. Результаты вторичного анализа были сопоставлены с данными других социогеронтологических исследований [5; 8; 11; 21; 23], что позволяет сформировать достаточно полную картину как текущих трендов, так и динамики восприятия пожилого возраста. Ключевыми аспектами анализа стали межпоколенческие отношения, восприятие старости и стереотипы о пожилых.

Снижение неприязни. Одна из задач социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» (2024) — выявить, насколько значительны противоречия в современном российском обществе. Обратимся к результатам, касающимся противоречий между младшим и старшим поколениями (таблица 1) [12]: 25 % считают их значительными.

Таблица 1

**Оценка противоречий и неприязни между младшим и старшим поколениями
(вариант «значительны», в %)**

Наличие противоречия/ год	2006	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2021	2022	2023	2024
Между младшим и старшим поколениями	40	36	37	40	36	35	39	26	28	28	26	45	31	30	25

С одной стороны, конфликт отцов и детей, безусловно, имеет место (каждый четвертый его маркирует как значительный). С другой стороны, в динамике мы видим очевидное снижение его остроты: в 2021 году значительными считали противоречия между поколениями 45 %, в 2024 году — 25 %, причем периоды снижения остроты неприязни наблюдались и раньше, например, в 2015 году (26 %).

Таблица 2

**Оценка противоречия и неприязни между младшим и старшим поколениями
(вариант «незначительны», в %)**

Наличие противоречия/ год	2006	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2021	2022	2023	2024
Между младшим и старшим поколениями	47	51	49	49	50	55	51	61	54	53	53	46	60	61	65

Еще более информативна в этом отношении таблица 2: цифры 2024 года — максимальный показатель с 2006 года: 65 % считают противоречия и неприязнь между поколениями незначительными, и это важное дополнение к снижению неприязни.

Россиян старость больше не пугает. Вывод о некотором снижении противоречий между поколениями подтверждается результатами других исследований, проведенных в разное время. Так, согласно данным ФОМ за 2005 год у подавляющего большинства россиян слово «старость» вызывало негативные представления (4). Выявить их позволила реконструкция ассоциативного ряда в ходе анализа ответов на открытый вопрос: «Что первое приходит в голову, когда Вы слышите слово “старость”?». Почти каждый четвертый (23 %) назвал плохое состояние здоровья, дряхлость («много болезней», «больница», «склероз, малярия», «недееспособность», «песок сыплется», «одряхление», «беспомощность»), 19 % — психологические проблемы — одиночество, страх старости, чувство безысходности («страшно становится», «ужас и кошмар», «страшное одиночество», «безрадостность», «старость пугает», «обида»). Еще одна лидирующая позиция в представле-

ниях о старости — бедность, низкий уровень жизни («бедность», «мизерная пенсия», «нищета», «материальные проблемы») (15 %). У 8 % старость вызвала кладбищенские ассоциации как предвестница умирания («к смерти ближе», «кладбище», «гроб», «чтоб не лежать и не быть обузой»). Для 5 % старость была связана с ненужностью, беззащитностью и отверженностью, еще 5 % высказали общие отрицательные суждения («крах», «не радость», «очень плохо», «полный мрак», «дурдом»). Доля респондентов, высказавших положительные ассоциации со словом «старость», находилась в пределах статистической погрешности (отдых, покой и уважение упомянули 3 %, опыт и мудрость — 1 %). Выводы других исследователей [5; 11; 21] подтвердили, что социально-демографическая группа пожилых была одной из наиболее стереотипизированных в обществе [18], причем негативные геронтологические стереотипы, проецируясь на трудовые отношения, усиливались в профессионально-деловой сфере [21].

Однако сегодня мы видим *признаки изменений*. Изучение социогеронтологических ассоциаций, проведенное в 2022 году [14], показало значительные отличия от таковых в 2005 году (4). Теперь пожилых людей считают прежде всего мудрыми (60 %) и опытными (54 %), а отрицательные ассоциации оказались в меньшинстве, например, ассоциацию «больной» выбрали 22 % россиян, «недееспособный» — 5,5 %. Другие исследования [9] показывают доминирование в ассоциативном поле россиян позиций, связанных с положительным эмоциональным состоянием и возможностями пожилых (более 50 %). Интересно, что пенсионный возраст стал ассоциироваться со свободой и жизнью для себя, и, солидаризируясь с коллегами, нельзя не отметить неожиданность таких результатов.

Вместе с тем следует отметить, что речь идет о выраженной, но только тенденции, направлении изменений. *Амбивалентность отношения к старости и пожилым сохраняется*: вероятно, отрицательные ассоциации неизбежны ввиду многосторонности и многоуровневости межпоколенческих отношений, а также трансформация предпочтений и образа жизни пожилых людей. Среди них с каждым годом растет количество лиц с высшим образованием, уменьшает разрыв между поколениями и с повышением компьютерной грамотности старшего поколения. Надо отметить и успешность ряда государственных программ, направленных на реализацию стратегий активного образа жизни пожилых. В частности, популярна программа «Московское долголетие», в которую входят спортивные занятия, танцы, пеший лекторий, рисование, информационные технологии и многое другое. Некоторые исследователи отмечают рост интереса пожилых к современным видам деятельности, например, к «серебряному волонтерству» [8]. Однако только перечисленные положительные моменты вряд ли бы привели к таким фундаментальным изменениям социальных стереотипов.

Жизнь на пенсии как мечта. Авторы одного исследования [14] отметили закономерность: ответы младшей группы (18–29 лет) и самой старшей (60+) оказались достаточно близки. Так, ассоциируют пожилого человека с опытностью 55 % младшей группы, что превосходит этот показатель в других группах (45 % среди 30–44-летних) и близко к мнению группы 60+ (62 %). Аналогичная ситуация наблюдается и с другими положительными ассоциациями, а некоторые отрицательные ассоциации фиксируются в минимальном объеме в группах 18–29 лет и 60+, например, «пожилой человек» ассоциируется со словом «больной» у 18 % в младшей группе и у 18 % — в старшей (30 % в группе 30–44, 19 – среди 45–59-летних) [14]. Таким образом, если ранее положительные ассоциации были характерны, что логично, для старшего поколения, то теперь аналогичные взгляды высказывает и молодежь. Эти данные соотносятся с трансформацией представлений о жизни на пенсии, которая сегодня в основном видится позитивно благодаря представлениям о долгожданном отдыхе и времени для себя, что говорит об изменении ценностного отношения россиян, особенно молодежи, к труду [9]. Молодежь акцентируют внимание на тех сторонах жизни на пенсии, которые привлекательны для нее [23], и для значительной части молодежи отдых и хобби более приоритетны, чем достижительные стратегии, и жизнь на пенсии в какой-то мере стала желаемым образцом. Однако все сказанное не означает однозначно положительного восприятия жизни на пенсии, и выраженная дихотомия мнений — постоянный спутник социогеронтологических исследований. Вопрос в том, куда и почему сдвигается фокус внимания.

«Нам нравятся похожие на нас». Молодежь приблизилась к пенсионерам не только в оценке жизни в пожилом возрасте — опросы РАН фиксируют сходства по многим позициям. Показательным будет анализ отношения к реформам и установок на изменения: так, о положительном отношении к реформам, проводимым правительством, заявили 39 % опрошенных 18–24 лет и 40 % в группе старше 60 (в других группах значения варьировали от 39 % среди 25–30-летних до 50 % в группе 41–50-летних). Установку на стабильность в ответах на вопрос, следует ли поддерживать нынешнюю российскую власть, продемонстрировали 75 % респондентов младшей группы и 73 % — старшей, причем по этому показателю разброс значений по выборке небольшой, хотя и превышает статистическую погрешность (от 69 % до 78 %).

Более рельефно ситуация проявляется при анализе установок на кардинальные изменения и участие в них. Согласно таблице 3 [12], в наибольшей степени не намерены участвовать в протестах младшая и старшая группы (53 % и 62 % соответственно), близки позиции двух групп и в выборе вариантов «имею установку на пассивный протест» (32 % и 27 %) и «имею установку на активный протест» (в целом по выборке от 9 % до 15 %).

Таблица 3

**Готовность представителей разных возрастных групп участвовать
в социальном протесте, если придется защищать свои интересы (в %)**

Что готовы предпринять в защиту своих интересов	Возраст					
	18–24	25–30	31–40	41–50	51–60	60+
Нет установки на участие в протестах	53	39	44	50	51	62
Имеют установку на пассивный протест	32	52	42	37	35	27
Имеют установку на активный протест	15	9	14	14	14	11

Согласно данным в таблице 4 [12], радикальные настроения относительно политической системы наименее характерны для молодежи 18–24 лет (13 %), в этой группе выше доля тех, кого российская политическая система полностью устраивает (24 %), т.е. по этой позиции молодые люди не только сравнялись, но и превзошли представителей других возрастных групп, в том числе пожилых, в стремлении к стабильности.

Таблица 4

**Суждения представителей возрастных групп
о политической системе российского общества (в %)**

Суждения	Возраст					
	18–24	25–30	31–40	41–50	51–60	60+
Политическая система российского государства полностью устраивает	24	19	19	23	20	18
В политической системе российского общества много недостатков, но их можно устранить путем постепенных реформ	49	49	49	49	53	49
Политическая система не устраивает, ее необходимо радикально изменить	13	13	16	15	14	22
Затруднились с ответом	14	18	17	14	13	11

Получается, что молодежь из социально-демографической группы, традиционно противостоящей старшему поколению, становится наиболее близкой к нему, и это одна из причин зафиксированного снижения межпоколенческих противоречий. Конечно, близость или совпадение взглядов на те или иные события не может служить единственным или главным по-

казателем изменения отношения к пожилым, однако является существенным косвенным фактором, обладающим значительным объяснительным потенциалом. В частности, такое положение вещей соответствует идее К. Маннгейма о связи установки на почтительность к пожилым и социальной стабильности [32]. Следует согласиться и с Ортегой-и-Гассетом, что «старое старо не от собственной старости, а оттого, что возникает новое и одной только своей новизной внезапно старит все предшествующее», что наблюдалось в 1990-е годы, когда межпоколенческие противоречия были максимальными [16].

Позитивные перспективы. Вероятно, нынешний период — наиболее благоприятный как для реинтеграции пожилых, которые хотят продолжать трудиться, в профессионально-деловую сферу, так и для развития или возобновления деятельности по обеспечению взаимодействия разных поколений в сфере трудовых отношений. Это может быть восстановление практик наставничества на предприятиях, о целесообразности чего уже не один год пишут социологи и экономисты [6; 22; 17]. Результаты исследований и ранее говорили о положительном восприятии наставничества в обществе даже при его очевидной семантической ассоциации с далеким прошлым [21]. Можно предположить, что внесение изменений в регулирующий этот вид деятельности Трудовой кодекс с марта 2025 года (ст. 351.8 — об особенностях регулирования работы сотрудников, выполняющих обязанности наставников в сфере трудовых отношений) будет иметь хороший результат.

При неизменной амбивалентности отношения к старости и пожилым сегодня мы наблюдаем значительный сдвиг в позитивную сторону. Старость стала ассоциироваться в большей степени с положительными позициями (мудростью, опытом), что еще двадцать лет назад представлялось невероятным, зафиксировано и снижения противоречий между младшим и старшим поколениями. С одной стороны, это связано с повышением образовательного уровня и компьютерной грамотности старшего поколения, с реализацией многими пенсионерами активной жизненной позиции, включая ее относительно новые формы. С другой стороны, уменьшению межпоколенческого разрыва, и, как следствие, улучшению отношения к пожилым людям способствовали мировоззренческие изменения, в частности пересмотр отношения к труду и свободному времени людьми трудоспособного возраста, особенно молодежью. Жизнь на пенсии стала восприниматься как этап, освобождающий от работы и дающий возможность для реализации увлечений — в некоторой степени это желаемый образ жизни. Вероятно, «время для себя» служит для младшего поколения приоритетом в сравнении с карьерными достижениями и участием в конкурентной борьбе.

Сформировалась новая ситуация: молодежь, особенно младшая социально-демографическая группа (18–24), по многим позициям демонстрирует наибольшее сходство в оценках и мнениях с поколением 60+. Такая ситуация имеет несколько парадоксальный характер, однако практические решения на основе обнаруженных тенденций могут быть весьма эффективными, например, как основа для успешного взаимодействия представителей старшего поколения и молодежи в профессионально-деловой сфере (внедрение и распространение практик наставничества).

Примечания

- (1) Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
- (2) Уровень безработицы (по методологии МОТ) в октябре 2024 года // URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_3_15-72.xlsx.
- (3) Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» проводится Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 года, научный руководитель — В.К. Левашов. Используется квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками пола, возраста, образования и местожительства. В основе территориального размещения выборки лежит экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорций численности населения и пропорций между городским и сельским населением.
- (4) Опрос «Пожилые люди в современной российской семье» был проведен Фондом «Общественное мнение» в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России методом интервью по месту жительства 18–19 июня 2005 года (N=1500 + опрос 600 респондентов в Москве) // URL: https://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/child_dress/dd052535.

Библиографический список

1. Антонов А.И., Назарова И.Б., Карпова В.М. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // *Народонаселение*. 2023. Т. 26. № 3.
2. Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // *Экономические и социальные перемены, факты, тенденции прогноз*. 2016. № 1.
3. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 1.
4. Воронина Л.И., Зайцева Е.В., Касьянова Т.И. Государственная стратегия по поддержке активного долголетия и физической активности пожилых граждан // *Социально-политические науки*. 2022. № 4.
5. Елютина М.Э. Геронтология социальная. Саратов, 2001.
6. Кабалина В.И. Трудовая мобильность: организационные, институциональные и социально-структурные факторы // *Социологический журнал*. 1999. № 3–4.
7. Калачикова О.Н., Короленко А.В., Нацун Л.Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1.
8. Киенко Т.С., Певная М.В., Птицына Н.А. Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности («empowerment») технологии // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2022. № 1.

9. Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Ассоциативный образ «жизни на пенсии» vs активное долголетие // Социологические исследования. 2024. № 5.
10. Колесов А.А., Калачикова О.А. Продолжительность здоровой жизни как ресурс снижения рисков демографического старения // Вопросы территориального развития. 2023. Т. 11. № 2.
11. Краснова О.В. Стереотипы пожилых и отношение к ним // Психология развития. М., 2005.
12. Левашов В.К., Великая Н.М. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года. М., 2024.
13. Локосов В.В. Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 4.
14. Ляликова С.В., Назарова И.Б., Карпова В.М. Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10.
15. Молевич Е.Ф. К анализу сущности и формы социальной старости // Социологические исследования. 2001. № 4.
16. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
17. Осипов П.Н. Наставничество как объект научных исследований // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2.
18. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996.
19. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Пожилый человек в центральной России // Социологические исследования. 1999. № 12.
20. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Старшее поколение: динамика и направленность изменений // Материалы международной научно-практической конференции «Старшее поколение в современной семье». Нижний Новгород, 2009.
21. Смирнова Т.В. Социально-трудовой потенциал пенсионеров по возрасту. Саратов, 2010.
22. Субочева О.Н. Наставничество как фактор эффективности организации // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12.
23. Татарко К.И. Социальные установки относительно старости и ее предпочтительный образ в период ранней взрослости // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60.
24. Хайруллина Ю.Р. Ценности в сфере труда: особенности и факторы // Социологические исследования. 2003. № 5.
25. Фролькис В.В. Стресс-возраст-синдром // Физиологический журнал. 1991. Т. 37. № 3.
26. Camming E. Growing Old: The Process of Disengagement. N.Y., 1961.
27. Feuer L.S. The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement. N.Y., 1969.
28. Guo X., Erber J., Szuchman L. Age and forgetfulness: Can stereotypes be modified? // Educational Gerontology. 1999. Vol. 25.
29. Hess M. Rising preferred retirement age in Europe — are Europe's future pensioners adapting to pension system reforms? // Journal of Aging & Social Policy. 2017. Vol. 29. No. 3.
30. Lorenz K. The enmity between generations and its probable ethological causes // Psychoanalytic Review. 1970. Vol. 57.
31. Maddox G.I. Themes and issues in sociological theories of human aging // Human Development. 1970. Vol. 13.
32. Mannheim K. The Problem of Generations. L., 1952.
33. Pitchford S.R. Image-making movements: Welsh nationalism and stereotype transformation // Sociological Perspectives. 2001. Vol. 44. No. 1.
34. Prisiazhniuk D., Holavins A. Active ageing and social services: The paradox of empowerment in Russia // Europe-Asia Studies. 2023. Vol. 75. No. 2.
35. Templer A., Armstrong-Stassen M., Cattaneo J. Antecedents of older workers' motives for continuing to work // Career Development International. 2010. Vol. 15.

On the dynamics of the perception of the elderly: Factors of positive changes under demographic aging*

T.B. Baranovskaya

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,
Fotieva St., 6–1, 119333, Moscow, Russia

(e-mail: btv20100404@mail.ru)

Abstract. The article considers the dynamics of the perception of the elderly in Russia under the ongoing demographic aging and increasing staff shortage. Traditionally, intergenerational relations and the position of the elderly are associated with negative stereotypes, which for a long time have hindered the full integration of older people and the realization of their social-labor potential. Recently, the situation has changed due to the state and the labor market interest in active participation of the elderly. The article aims at identifying changes in the public perception of old age and aging and factors of such changes. The author used a quantitative methodology of the secondary analysis: the data of several all-Russian sociological surveys (2005, 2022, 2023, 2024) was compared. The results show a positive shift in public attitudes towards older generations despite persistent ambivalence. Old age is associated with positive qualities such as wisdom and rich experience. At the same time, there is a noticeable decrease in intergenerational contradictions due to the complex interaction of several factors: on the one hand, there is an increase in the educational level and general activity of the elderly, in their readiness for new forms of participation in social life; on the other hand, there are significant changes in the worldview of the younger generation, for whom “time for oneself” and personal hobbies have become a priority, and young people (especially among the 18–24-year-olds) demonstrate the greatest similarity of views with the 60+ generation, which contributes to mutual sympathies and reduces the intergenerational gap. The discovered trends indicate new opportunities for an effective intergenerational interaction such as mentoring in the professional-business sphere.

Key words: elderly; social stereotypes; population aging; mentoring; values; labor market

For citation: Baranovskaya T.B. On the dynamics of the perception of the elderly: Factors of positive changes under demographic aging. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 619–632. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-619-632>

References

1. Antonov A.I., Nazarova I.B., Karpova V.M. Porog nastupleniya starosti: ob`ektivnye priznaki i sub`ektivnoe vospriyatie [The threshold of old age: Objective signs and subjective perception]. *Population*. 2023; 26 (3). (In Russ.).
2. Barsukov V.N. Trudovaya aktivnost naseleniya pensionnogo vozrasta kak faktor sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Labor activity of the retirement-age population as a factor of regional social-economic development]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016; 1. (In Russ.).

*© T.B. Baranovskaya, 2025

The article was submitted on 06.04.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

3. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Evolyutsiya demograficheskogo i sotsialnogo konstruirovaniya vozrasta “starosti” [The evolution of demographic and social construction of “old age”]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020; 13 (1). (In Russ.).
4. Voronina L.I., Zaitseva E.V., Kasyanova T.I. Gosudarstvennaya strategiya po podderzhke aktivnogo dolgoletiya i fizicheskoy aktivnosti pozhilyh grazhdan [State strategy to support active aging and physical activity of the elderly]. *Social-Political Sciences*. 2022; 4. (In Russ.).
5. Elyutina M.E. *Gerontologiya sotsialnaya* [Social Gerontology]. Saratov; 2001. (In Russ.).
6. Kabalina V.I. Trudovaya mobilnost: organizatsionnye, institutsionalnye i sotsialno-strukturnye faktory [Labor mobility: Organizational, institutional and social-structural factors]. *Sociological Journal*. 1999; 3–4. (In Russ.).
7. Kalachikova O.N., Korolenko A.V., Natsun L.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya aktivnogo dolgoletiya [Theoretical-methodological foundations for the study of active aging]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023; 1. (In Russ.).
8. Kienko T.S., Pevnaya M.V., Ptitsyna N.A. Praktiki samoorganizatsii i sotsialnoy aktivnosti rossiyan starshego vozrasta kak rasshiryayushchie vozmozhnosti (“empowerment”) tekhnologii [Self-organization practices and social activity of older Russians as empowerment technologies]. *Bulletin of the Lobachevsky University. Series: Social Sciences*. 2022; 1. (In Russ.).
9. Kiselev I.Yu., Mikhaylova E.V., Smirnova A.G. Assotsiativny obraz “zhizni na pensii” vs aktivnoe dolgoletie [The associative image of “retirement” vs active longevity]. *Sociological Studies*. 2024; 5. (In Russ.).
10. Kolesov A.A., Kalachikova O.A. Prodolzhitel'nost' zdorovoy zhizni kak resurs snizheniya riskov demograficheskogo stareniya [Healthy life expectancy as a resource for reducing the demographic aging risks]. *Spatial Development Issues*. 2023; 11 (2). (In Russ.).
11. Krasnova O.V. Stereotipy pozhilyh i otnoshenie k nim [Stereotypes of the elderly and attitudes towards them]. *Psychology of Development*. Moscow; 2005. (In Russ.).
12. Levashov V.K., Velikaya N.M. *Kak zhivesh, Rossiya? Ekspress-informatsiya. 54 etap sotsiologicheskogo monitoringa, aprel 2024 goda*. [How Are You, Russia? Express Information. 54th Stage of Sociological Monitoring, April 2024]. Moscow; 2024. (In Russ.).
13. Lokosov V.V. Chelovechesky potentsial: kontseptualnye podkhody i metodiki izmereniya [Human potential: Conceptual approaches and measurement methods]. *Population*. 2023; 26 (4). (In Russ.).
14. Lyalikova S.V., Nazarova I.B., Karpova V.M. Osobennosti vospriyatiya pozhilyh lyudey v rossiyskom obshchestve [Peculiarities of the perception of the elderly in the Russian society]. *Sociological Studies*. 2023; 10. (In Russ.).
15. Molevich E.F. K analizu sushchnosti i formy sotsialnoy starosti [On the analysis of the essence and forms of social aging]. *Sociological Studies*. 2001; 4. (In Russ.).
16. Ortega y Gasset J. *Estetika. Filosofiya kultury* [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow; 1991. (In Russ.).
17. Osipov P.N. Nastavnichestvo kak ob'ekt nauchnykh issledovaniy [Mentorship as an object of scientific research]. *Vocational Education and Labor Market*. 2020; 2. (In Russ.).
18. Radaev V.V., Shkaratan O.I. *Sotsialnaya stratifikatsiya* [Social Stratification]. Moscow; 1996. (In Russ.).
19. Saralieva Z.Kh., Balabanov S.S. Pozhiloy chelovek v tsentralnoy Rossii [The elderly in Central Russia]. *Sociological Studies*. 1999; 12. (In Russ.).
20. Saralieva Z.Kh., Balabanov S.S. Starshee pokolenie: dinamika i napravlenost' izmeneniy [The older generation: Dynamics and direction of changes]. *Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Older Generation in Today's Family”*. Nizhny Novgorod; 2009. (In Russ.).
21. Smirnova T.V. *Sotsialno-trudovoy potentsial pensionerov po vozrastu* [Social-Labor Potential of the Retirement-Age Pensioners]. Saratov; 2010. (In Russ.).

22. Subocheva O.N. Nastavnichestvo kak faktor effektivnosti organizatsii [Mentorship as a factor of organizational efficiency]. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2016; 12. (In Russ.).
23. Tatarko K.I. Sotsialnye ustanovki otnositelno starosti i ee predpochtitelny obraz v period ranney vzroslosti [Social attitudes towards old age and its preferred image in early adulthood]. *Psychological Research*. 2018; 11 (60). (In Russ.).
24. Khayrullina Yu.R. Tsennosti v sfere truda: osobennosti i faktory [Labor values: Features and factors]. *Sociological Studies*. 2003; 5. (In Russ.).
25. Frolkis V.V. Stress-vozrast-sindrom [Stress-age-syndrome]. *Physiological Journal*. 1991; 37 (3). (In Russ.).
26. Camming E. *Growing Old: The Process of Disengagement*. New York; 1961.
27. Feuer L.S. *The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement*. New York; 1969.
28. Guo X., Erber J., Szuchman L. Age and forgetfulness: Can stereotypes be modified? *Educational Gerontology*. 1999; 25.
29. Hess M. Rising preferred retirement age in Europe — are Europe's future pensioners adapting to pension system reforms? *Journal of Aging & Social Policy*. 2017; 29 (3).
30. Lorenz K. The enmity between generations and its probable ethological causes. *Psychoanalytic Review*. 1970; 57.
31. Maddox G.I. Themes and issues in sociological theories of human aging. *Human Development*. 1970; 13.
32. Mannheim K. *The Problem of Generations*. London; 1952.
33. Pitchford S.R. Image-making movements: Welsh nationalism and stereotype transformation. *Sociological Perspectives*. 2001; 44 (1).
34. Prisiazhniuk D., Holavins A. Active ageing and social services: The paradox of empowerment in Russia. *Europe Asia Studies*. 2023; 75 (2).
35. Templer A., Armstrong-Stassen M., Cattaneo J. Antecedents of older workers' motives for continuing to work. *Career Development International*. 2010; 15.